

В.Н. Сагатовский

**АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СУХОТИН –
ЧЕЛОВЕК И ФИЛОСОФ**

Я знаю Анатолия Константиновича уже почти полвека. Осенью 1958 г. другой, теперь тоже хорошо известный в Томске философ, Альберт Николаевич Книгин сообщил в Ленинград, что в Томском медицинском институте есть вакантная должность ассистента. А.К. Сухотин перешёл тогда из Томского университета на заведование кафедрой философии и истории КПСС в мединститут. А я жил в Ленинграде и не имел работы по специальности (философия в то время преподавалась не во всех вузах). Возможность преподавать философию, да к тому же получить своё жилье весьма меня обрадовала. И вот в морозный февральский вечер 1959 г. я появился в Томске. Первые дни я жил в квартире Сухотиных, которые встретили меня очень гостеприимно. С А.К. мы как-то сразу нашли общий язык, я чувствовал его живой интерес к философии именно как к науке, а не к пропагандистскому мероприятию. Именно такую линию проводил он на кафедре, что было совсем не по нраву некоторым одиозным личностям. Скоро он добился того, что была создана отдельная кафедра философии. И на этой кафедре очень хорошо работалось тем, кто искренне был предан философии. В обеспечении этой обстановки проявилось такое качество А.К., как оптимальное сочетание принципиальности и дипломатичности. Без подобного сочетания вообще трудно организовать любое стоящее дело, а в обстановке того времени – в особенности.

Официально мы все были марксистами-ленинцами, идеологической услугой КПСС. Но на самом деле какое же разнообразие талантов и направлений научной мысли представляла собой советская философия 60-х гг.! Тут можно провести аналогию с нашей литературой: насколько глубже была она в подцензурные времена! Сейчас у наших философов есть и свобода, и эрудиция, которой нам порой не хватало, и гранты – когда же наконец большие идеи появятся? На общую ситуацию в томской философии того времени бесспорно повлиял факт работы в Томске людей, сыгравших значительную роль в развитии отечественной философской мысли. Совсем недавно перед моим переездом уехал из Томска П.В. Копнин, в политехническом институте работали супруги Смирновы. Естественно, это не могло не способствовать культивированию интереса к теории познания и логике. А это были как раз такие сферы, где можно было «спрятаться» от официальной идеологии и серьезно работать над настоящими проблемами. А.К. очень хорошо почувствовал это направление, сам стал работать над проблемой «уплотнения знаний», что вылилось позднее в докторскую диссертацию, и развивал контакты с московскими философами, которые тогда охотно приезжали в Томск.

Вспоминаются две всесоюзные конференции, организованные в Томске в 1960 и 1963 гг. На них съехался тогда весь цвет нашей гносеологической и логико-методологической мысли. Тесные творческие контакты установились с Москвой, Киевом (П.В. Копнин возглавлял там Институт философии), Новосибирском. Там была не просто свобода мысли (в этих сферах для «кон-

троля» нужны были соответствующие знания), – то был подлинный пир идей. Мы были свидетелями и в какой-то мере участниками зарождения гносеологического, логико-методологического, организационно-деятельностного направлений в философии советского периода. В Томске и Новосибирске на молодых философов, помнится, большое впечатление произвел неутомимый Г.П. Щедровицкий. А.К. тяготел к более академическому уровню. В 1966 г. томский десант (А.К. Сухотин, Ф.А. Селиванов, позднее переехавший в Тюмень, перенеся туда лучшие томские традиции, и автор этих строк) активно участвовал в работе первой всесоюзной конференции по системному подходу, организованной в Одессе А.И. Уёмовым. А в 1973 г. А.К. уже представлял Томск на XV Всемирном философском конгрессе в Варне (Болгария).

В 60-е гг. А.К. продолжал руководить дружной и творчески работающей кафедрой философии ТМИ. Из сотрудников того времени там до сих пор работают Е.М. Дун и Г.М. Кафтонова. 19 ноября 1969 г. мы с А.К. в один день защитили докторские диссертации в Новосибирске (одним из его оппонентов был П.В. Копнин, одним из моих оппонентов – А.И. Уёмов). В том же году А.К. вернулся в университет, где возглавил кафедру философии. Позднее он стоял у истоков философского факультета Томского университета.

В этот период между нами были определенные научные разногласия. Верный духу гносеологизма, А.К. не одобрял мои, как он считал, «шатания» в разные стороны – переход к онтологии, а затем и к социальной философии. Споры были порой горячие, но сейчас я, конечно, могу уже взглянуть на них более спокойно и объективно. Столкнулись два стиля, ни об одном из которых нельзя однозначно утверждать, что именно он является «лучшим» и «единственно истинным». Кто-то рожден «однолюбом» и не верит во всякое «системосозидание», остаётся всю жизнь верен одной проблематике. Тем более если эта проблематика заслуженно пользуется в данный период репутацией наиболее научной. Моя же внутренняя антипозитивистская направленность не давала мне покоя в стремлении не просто выдать качественный чисто научный продукт, но и послужить мировоззренческим нуждам (не в духе обоснования «развитого социализма», разумеется). И тот и другой подход имеют свои плюсы и минусы, но идея взаимодополнительности открывается, увы, не всем и не всегда. Могу только констатировать с чисто практических позиций, что верность одному научному направлению всегда выглядит надежнее и солиднее, охотнее принимается научным сообществом. Полагаю, что позитивные результаты такого принятия со стороны А.К. Сухотина томская философия ощущает до сих пор.

Будучи верным гносеологической направленности, А.К., однако, сумел преодолеть ограниченность неопозитивистского рационализма, столь модного в нашей философии в 50–60-е гг. (популярность этой линии среди «продвинутых» можно сравнивать с успехом постмодернизма и феноменологии в нынешние времена). Занимаясь «уплотнением» знаний, концентрацией его объема и повышением информационной ёмкости в высших формах знания – законах и теориях, он естественным образом вышел на проблемы типологии и соотношения методов познания (внутрипарадигмального, общенаучного и философского) и творчества. Материалом для анализа данных проблем, понятно, служили история и современное состояние научного познания.

И точно так же, как в истории философии (при переходе от неопозитивизма к постпозитивизму), для мыслящего человека не могла остаться незамеченной роль, так сказать, вненаучного компонента в научном творчестве. Используя названия книг А.К., написанных уже после защиты докторской, можно сказать, что, исследуя «Парадоксы науки» (М., 1978), он обнаружил в научном познании не только «алгоритмы», но и «ритмы» (Ритмы и алгоритмы. М., 1983) и явственные «Научно-художественные пересечения» (Томск, 1998). Таким образом, было уделено должное внимание гуманитарной (в широком смысле этого слова), внерациональной составляющей научного освоения мира, без которых оно теряет свой творческий характер. И при этом он сумел не поддаться очередной моде, на этот раз абсолютизирующей именно внерациональные моменты.

А.К. Сухотин сумел продолжить традиции, заложенные П.В. Копниным, и без его научной и организаторской деятельности трудно представить формирование и развитие томской философии. Я думаю, что очень многие философы, сформировавшиеся в Томске, могут, так же как и я, сказать ему искренние слова благодарности за помощь и внимание, оказанные в этом процессе формирования. Причём часто это была не только научная, но и чисто человеческая помощь, внимание к вопросам тогдашней далеко не простой повседневной жизни. И в научном и в человеческом плане для А.К. характерно наличие достаточной толерантности к тому, что ныне принято называть «инаковостью». Мы могли с ним по-разному понимать задачи философии, но к философской деятельности он всегда относился с должной искренностью и серьёзностью, не превращая её в модную игру с симулякрами. Вспоминая тех людей, которые сыграли значительную роль в моей жизни, я конечно же не могу не сказать о встрече и сотрудничестве с А.К. Сухотиным — человеком и философом. И закончу тем, с чего начал: почти полвека (!) прошло с момента нашей встречи; субъективно кажется, что это было вчера; однако объективно это период формирования и деятельности нескольких поколений философов — и было бы небезынтересно когда-нибудь и кому-нибудь написать историю развития философии в Томске. От появления и работы в нём нескольких блестящих личностей до превращения в признанный научно-педагогический центр.